

ПРОЛОГ

Перемышль, 1112 год

Расскажи про деда Боняка!

— Какое рассказывать, тебе давно спать пора! И так сколько внизу проболтался, не дозовешься тебя! Мал ты еще на пирах до свету сидеть!

— Дружина же сидит, а где дружина, там и князь! Отец так говорит.

— Вот пусть отец сам и сидит. А ты спать должен. Ты ведь еще меч не получил, значит, не князь.

— Я буду князем!

— Будешь, будешь. А теперь спи.

— Не буду спать, пока не расскажешь про Боняка!

Разговор пошел по кругу. Княгиня Иустина Боняковна вздохнула: восьмилетний сын был упрям, как бычок, и у нее не хватало сил с ним спорить. Уже сорок раз, кажется, она рассказывала Ростиславу про своего отца, а его деда — половецкого хана Боняка, но Ростислав был готов слушать о нем бесконечно. Внизу, в гриднице, было шумно — там пиновала дружина перемышльского князя Володаря

Ростиславича, из гущи которой едва удалось извлечь не в меру удалого княжича.

— Смотри, вон и Володьша спит уже, и Ярша спит, они сил набираются, завтра будут воевать, — шепотом уговаривала сына княгиня, кивая на двух его старших братьев. — А ты завтра будешь как муха сонная.

— Не буду. Рассказывай! — требовал Ростислав, уверенный, что мать скоро уступит. И даже слегка подпрыгивал на лежанке, изображая, будто скачет во весь опор на боевом коне.

Было уже за полночь, у самой княгини Иустины слипались глаза, но она знала, что сын не отстанет, пока не добьется своего.

— Тогда была война, — принялась рассказывать она полупшепотом, чтобы не разбудить двух старших княжичей. — Безбожный бунтарь князь Ярославец Святополчич пришел на нас с ратью и короля венгерского да князя ляшского¹ привел с собою. Пришли они сюда, к Перемышлю, и обступили град...

— Чтобы ни мышь не пробежала, ни птица не пролетела? — подсказал Ростислав. Он уже все сам знал, но боялся, что мать что-то забудет и испортит весь рассказ.

— Чтобы ни мышь, ни птица, никто, — согласилась княгиня. — А князь Давид поехал в Поле Половецкое поискать там помощи. И встретил на Вагре-реке хана Боняка и войско его в восемь тысяч конных батуров. Согласился хан Боняк помочь князьям перемышльским и пошел с князем Давидом. Вот стало войско на ночлег и вышел хан Боняк один в поле в полночь. И начал он выть по-волчьи, и ответил ему сперва один волк, другой, а потом целая тысяча волков. Вернулся Боняк к князю Давиду и сказал, что победит он завтра множество врагов...

Ростислав слушал как замороженный: больше не перебивал, не шевелился, едва дышал. Мороз подирал по коже,

¹ То есть польского. Ляхи — поляки. (Здесь и далее прим. автора.)

когда он представлял все это: лес, ночь, река, блестящая серебром под луной, а между рекой и лесом — странный, непонятный человек наедине с луною, в шапке с волчьим хвостом, сам похожий на волка, такой же дикий, опасный, загадочный, как серые Хорсовы псы. Он воет, выпевает тягучую песню войны и крови, и волки отвечают ему из леса, признавая в нем собрата и вожака...

— Ты, волчий внук! — презрительно бросал ему старший брат Владимирко. — Дед твой — поганый нехристь, да еще и оборотень!

Владимирко и Ярослав, старшие сыновья перемышльского князя, родились от его первой жены, черниговской княжны. И в тот самый год, когда хан Боняк волчьим голосом заклинал победу, овдовевший к тому времени Володарь Ростиславич взял в жены дочь Боняка, надеясь покрепче привязать дикого, алчного и ненадежного союзника. Хатун Айбике была крещена под именем Иустины Боняковны. Ее единственный сын, на четверть венгр¹, наполовину половец, уродился смуглым, невысоким, с выступающими скулами и черными волосами. Красавцем его трудно было назвать, зато он рос здоровым, подвижным и сообразительным. Поначалу князь Володарь только забавлялся, глядя на выходки своего «половца», но постепенно привязался к нему и теперь любил сильнее двух старших. А Ростислав не спускал старшим братьям насмешек и отважно кидался на них с кулаками. И нередко выходил из этих схваток победителем, потому что был крепок, быстр и напорист.

— Князь растет! — с удовольствием приговаривал Володарь Ростиславич.

Сказание о князе Боняке было у Ростислава любимым. Десятилетним мальчиком он собирал себе в детинце такую же малолетнюю дружину и играл в ту давнюю битву. Хана

¹ Матерью князя Володаря и бабкой Ростислава была дочь венгерского короля.

Боняка, конечно, представлял он сам: сначала выл, потом обещал войску победу. Затем один из мальчишек, изображавший батура Алтунопа, должен был выйти к вражескому войску, выпустить одну стрелу и вернуться, а там уж сам «хан Боняк» начинал сражение. Поначалу он обманывал «венгерского короля» притворным отступлением, заманивал его в ловушку, а после ударял в тыл, рассеивал вражеское войско и брал огромную добычу!

Так они воевали, пока однажды игру «в Боняка» не увидел настоятель Иоаннова собора отец Митрофан и не устроил Ростиславу разнос.

— Ведь хан Боняк, поганец безбожный, не просто так выл, а волшбу бесовскую творил! — внушал он княжичу, меча громы праведного негодования над повинной черно-волосой головой. — Злых духов он призывал, чтобы они сатанинской силой ему в битве помогали! Христианину и помыслить о том грех, а не то что подражать! Кайся теперь, чадо, проси прощения у Господа, что по детскому неразумию в такой грех впал!

Ростислав каялся, но где-то в глубине жила мысль: ведь Боняк действительно одержал победу. А хотя бы и волхвованием! Мальчик с детства знал, что за обладание волостью¹ придется постоянно воевать со своими и чужими. Бог в эту борьбу не вмешивается, а значит, надо справляться как получится.

Тем более что князь Володарь на него не сердился.

— Пусть воюет! Еще как потом пригодится! — говорил он, когда его младшенький являлся домой в рваной одежде, весь в пыли и ссадинах. — Пусть знает, что можно силой воевать, а можно и хитростью.

Вместе с теми же мальчишками, подрастая, Ростислав проходил обучение — бегал, отжимался, боролся, учился владеть оружием. В двенадцать лет он тоже получил меч,

¹ Волость — область, принадлежавшая определенному городу.

а мальчишки, сыновья кметей, стали его собственной ближней дружиной.

— Да твой дед был предателем! — возмущался Владимирко. — Он ведь шел сюда не нам, а князю Святополку помогать. Князь же Давид уговорил его переметнуться, потому что от венгров он надеялся больше добычи взять!

— Пусть бы твой дед столько взял где-нибудь! — огрызнулся Ростислав. — А за предателя сейчас получишь!

Дело кончалось криком, воплями, расквашенными носами, каплями крови на утопанной земле. Этого Володарь Ростиславич уже не одобрял. У его сыновей было слишком много внешних врагов, чтобы они могли позволить себе драться между собой.

Со временем и Ростислав это понял, да и Владимирко перестал его дразнить. Хан Боняк, хоть и помог один раз Перемышлю, всю жизнь оставался опасным врагом Русской земли, принесшим ей много зла. Князю Володарю нелегко далось то решение — привлечь поганых половцев для войны со своими братьями-христианами. Но выбирать не приходилось: князь Святополк не успокоился бы, пока не отнял бы у братьев Ростиславичей, Володаря и Василька, все их города.

И вот Ростиславу исполнилось ни много ни мало — двадцать лет; детские забавы давно сменились нешуточными заботами, а игра в войну — настоящей войной. О том, что он сам уже успел пережить, матери рассказывали детям перед сном. Но и теперь, засыпая где-нибудь в полевом стане и слыша далеко над лесом волчий вой, он снова видел все это — ночь, луну и узкоглазого человека в волчьей шапке, поющего песню войны и победы. И что-то отзывалось в его душе на эту песнь, как будто какой-то темный бог его предков ходил рядом, смотрел в затылок, манил за собой...

ГЛАВА 1

Берестье¹, 1124 год, весна

Был уже почти полдень, и колокола Успенского собора усердно созывали на обедню, но княжий терем не спешил откликнуться на их призыв. Берестейский князь Юрий еще не выходил из опочивальни, и отроки в верхних сенях перед горницами, якобы охранявшие его покой, спали тоже, повалившись на охапки соломы и друг на друга. Князь Юрий любил погулять, и пиры у него затягивались обыкновенно до рассвета. Гридница была полна бесчувственных тел — иные гуляки вчера не сумели доползти до дружинных изб. Бояр и городских старост, которые, хотя и не слишком одобряли буйство своего князя, никогда не отказывались от его приглашений, развела по домам собственная челядь.

Таким образом, четверых гостей, отстоявших обедню в Успенском соборе в надежде, что Бог поможет их замыслам, встретили на княжьем дворе только тишина и сонная одурь.

¹ Современный Брест.